

ІХ.

Опасенія друзей.

Друзья любили Жуковского, не смотря на порой существенное разногласіе воззрѣній и убѣжденій. „Для дружбы все, что въ мірѣ есть“, пѣлъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“— и дружба берегла его и тянула къ нему издали.

„Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ, писалъ Гнѣдичу Батюшковъ въ фѣвралѣ 1810 года: онъ меня любитъ и стоитъ того, чтобъ я его любилъ“¹⁾; „дружба твоя для меня сокровище“, увѣряетъ онъ пять лѣтъ спустя его самого²⁾. „Здравствуй, Свѣтлана, пишетъ ему изъ Лондона Блудовъ 19 марта 1819 г. въ полночь: мнѣ захотѣлось, захотѣлось такъ сильно сказать тебѣ.... что-нибудь, на примѣръ, что я тебя люблю и обнимаю, какъ люблю, то есть, отъ всего сердца“. Онъ благодаритъ его за письмо, за „голосъ съ родины“, который освѣжилъ его „въ моральномъ и физическомъ смыслѣ“. Онъ привыкъ жить сердцемъ, а здѣсь вянетъ, потерялъ здоровье и бодрость и довѣренность къ себѣ; его поддерживаетъ сознаніе, что онъ другъ Карамзина, Жуковского, Тургенева, Батюшкова и т. д., однимъ словомъ — Арзамасецъ³⁾. Онъ назвалъ своего мальчика Вадимомъ, это мой „родъ завѣщанія моимъ дѣтямъ о сей вѣчной, незабвенной дружбѣ“ (1819 г. 30 августа)⁴⁾.—Еще характернѣе письмо 1822 г. 18 іюня изъ Петербурга: „ты спрашиваешь

1) Батюшковъ, соч. т. III, стр. 76; сл. ib. 81, 120.

2) Л. с. стр. 844; сл. 319 (къ Гнѣдичу).

3) Русскій Архивъ 1902 г. № 6, стр. 335 слѣд.

4) Ib. стр. 337.

меня о моихъ чувствахъ къ тебѣ и хочешь, чтобъ я сказалъ о нихъ искренно, хочешь заплатить мнѣ такой же довѣренностью... Приведи себѣ на память, если можешь, нѣсколько дней моего журнала, который я читалъ тебѣ здѣсь ¹⁾, и позволи мнѣ выписать изъ него нѣсколько строкъ; увидишь, для чего. „Не буду писать и говорить о своихъ горестяхъ ни съ кѣмъ и никогда или почти никогда. Это въ моемъ характерѣ; только странно, что я всегда очень много говорю о нихъ Жуковскому тогда, когда онъ за тысячу верстъ отсюда. Подумають, что я пишу къ нему; нисколько! Но собираюсь писать. Ночью, когда сердце у меня терзается, я всегда въ своихъ слезахъ, въ отчаяннн, жалуясь на все Жуковскому. Но онъ не слышитъ меня и, вѣроятно, и проч.“ Ты знаешь самъ, что сильнѣйшіе знаки чувства видны въ мысляхъ, а не въ дѣлахъ, и для того я позволилъ себѣ вспомнить о своемъ журналѣ. Въ наши лѣта, особливо, когда имѣешь страсти, можно часто дѣлами противорѣчить чувствамъ... Мои чувства къ тебѣ не перемѣнились и не могли перемѣниться.... Надѣюсь, что ты любишь меня столько-же, сколько я тебя. Но если увижу, что ошибаюсь (чего однако же я не думаю), то признаюсь, что это огорчитъ меня, однакоже не отниметъ надежды: дружба не есть любовь, она родится отъ благодарности, то есть отъ благодарности за чувства“. Онъ сообщаетъ Жуковскому вѣсти о друзьяхъ (Кайсаровыхъ, Мерзляковѣ), общается побудить А. Тургенева написать ему, и Тургеневъ приписываетъ, говорить о своей искренной, душевной любви. „Право, братъ, мы ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не говоримъ съ Блудовымъ, какъ о тебѣ, и ты, какъ невидимый геній, соединяешь руки и сердца наши. Знаешь-ли, что я теперь началъ тебя болѣе прежняго любить отъ того, что чѣмъ болѣе я живу, чѣмъ обширнѣе становится мое знакомство, тѣмъ, напротивъ, сердце мое стѣсняется, ибо вездѣ, вездѣ нахожу *une disette d'hommes*, Ah! sachons nous, passons etc.“ ²⁾.

Въ 1828 году (29 іюля) Перовскій писалъ Жуковскому изъ лагеря подъ Варной: „люблю тебя болѣе, чѣмъ сказать могу, но не болѣе, чѣмъ ты знаешь“ ³⁾. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя:

1) Стало быть, до 1818 года, когда Блудовъ посланъ былъ въ Лондонъ, либо въ 1820 г., когда онъ вернулся.

2) Ib. стр. 388 слѣд.

3) Русская Старина 1908 г. іюль, стр. 126.

„люблю тебя до смерти; а нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ я, что люблю тебя и при смерти, и доказалъ бы тебѣ это, еслибъ умеръ: находившіеся при мнѣ душеприкащики получили уже приказаніе послѣ смерти вынуть мое сердце, порядочно высушить, завернуть и доставить тебѣ; это не шутя говорю тебѣ“ (24 сентября) ¹⁾.

Дружба, основанная на сердцѣ и—привычкѣ, на общности гуманнаго міросозерцанія и честнаго служенія литературѣ, не предполагала согласія общественнаго настроенія и даже литературныхъ вкусовъ. Въ кн. Вяземскомъ, любимцѣ Дмитріева и реалистѣ, всегда была французская классическая жилка, не смотря на его увлеченія Байрономъ и симпатіи къ новымъ теченіямъ поэзіи. Онъ былъ рожденъ памфлетистомъ, говорили о немъ Пушкинъ и Мицкевичъ; „буянь, боець кулачный, Елисей“, говорилъ онъ о себѣ; „мнѣ нужно, чтобы кровь у меня кипѣла“ ²⁾,— и въ молодости его письма кипѣли вольнолюбивыми мечтами. Съ другой стороны А. И. Тургеневъ, ближе всѣхъ стоявшій къ сердечной, не умственной жизни Жуковскаго, такой-же сентименталистъ и фѣлантропъ, какъ онъ, но превосходившій его серьезностью своихъ научныхъ интересовъ и широтой либерально-общественныхъ взглядовъ. Гёттингенская школа дала ему критическое чутье, не опредѣливъ матерьяла для критики: какъ въ Гёттингенѣ, предоставленный самому себѣ, онъ разбрасывался на лекціи по исторіи, химіи, ботаникѣ, такъ и позже онъ останется полигисторомъ, прислушивавшимся, во время своего долгаго скитальчества по Европѣ, ко всемъ умственнымъ и культурнымъ движеніямъ запада. Піэтизмъ, привитый домашнимъ воспитаніемъ, объясняетъ его любовь къ религіознымъ вопросамъ, находившую исходъ въ его дѣятельности по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и Библейскому Обществу. Въ 1815 году онъ составляетъ указъ объ удаленіи изъ Петербурга іезуитовъ, въ 1817 г. собираетъ у себя протестантскихъ и реформатскихъ пасторовъ, чтобы потолковать съ ними о соглашеніи вѣроисповѣданій ³⁾. И здѣсь онъ какой-то эклектикъ: ищетъ религіи

1) Гб. стр. 128.

2) Къ Жуковскому 18 декабря 1823 г., Русск. Арх. 1900 г. № 2, стр. 192.

3) А. Тургеневъ записалъ въ (дрезденскомъ) дневникѣ 1826 г. подъ 31 октября: слушалъ проповѣдь Аммона „о несогласіи исповѣданій и

любви на полупути между Вольтеромъ и Кутузовымъ ¹⁾; это не путь Жуковского. Искатель синтеза на почвѣ сентиментализма и полигисторства, Тургеневъ невыяснилъ себя своимъ друзьямъ. Въ 1817 г. Пушкинъ набросалъ его молодой, нѣсколько вѣтренный силуэтъ ²⁾; долгое время спустя послѣ его смерти кн. Вяземскій назоветъ его космополитомъ, эклектической натурой ³⁾, Жуковский, помянувшій его кончину задушевнымъ словомъ, будетъ говорить о неопредѣленности его мнѣній — и неуловимой фizioноміи, Плетневъ объ „избыткѣ въ желаньяхъ къ совершенству“, губящемъ его осуществленіе ⁴⁾.

И всѣ они тянули къ уловимому, въ своей прозрачности, сердцу Жуковского: кн. Вяземскій и Тургеневъ, такой рыцарь чести, какъ Перовскій, и Блудовъ.

Это не исключало критики. Любили чистую мечтательность пріятеля, его меланхолію, его „душу“, издавна подтрунивали надъ его пристрастіемъ къ мертвецамъ, привидѣніямъ и чертямъ ⁵⁾, говорили о какой-то „христіанской выпренности“ ⁶⁾, но боялись излишествъ его сердечнаго воображенія и скоро отгадали ограниченность его психическаго настроенія, которую

укоризнахъ, дѣлаемыхъ другими исповѣданіями протестантамъ“. Аммонъ хвалилъ своихъ, Тургеневъ ожидалъ бы слова *любви*. Это напомнило ему „вечеръ въ 1817 году, когда я сближалъ пасторовъ протестанскихъ и реформатскихъ, и поэтъ Пушкинъ угощалъ ихъ у меня пуншемъ и ужиномъ, а подъ конецъ и бичевалъ веселымъ умомъ своимъ виномъ разогрѣтаго пастора“. Въ томъ же году написано посланіе Пушкина „А. И. Тургеневу“, сл. Соч. Пушкина, изданіе Имп. Акад. Наукъ, I, изд. 2-е, стр. 270—1.

1) Сл. выше стр. 93, прим. 2. Подъ Кутузовымъ эпиграммы Андрея Тургенева разумѣется П. И. Кутузовъ, кураторъ Московскаго Университета и его „письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина“, исполненныхъ „вольнодумческаго и якобинческаго яда“, ибо онъ проповѣдуетъ „безбожіе и безначаліе“, и его слѣдуетъ показать Государю „во всей его гнусной наготѣ, яко *врага Божія и яко орудіе тьмы*“. Сл. Чтенія въ Общ. Ист. и древн. російскихъ 1858 г., кн. II, Смѣсь, стр. 185—6.

2) Сл. выше прим. 1.

3) Соч. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 273 слѣд.

4) Къ Жуковскому 25 декабря 1845 г. / 6 января 1846 г. Для противоявіа сл. отзывъ барона М. А. Корфа, Русская Старина 1899 г., декабрь, стр. 519.

5) Сл. письмо Батюшкова, июнь 1812 г. Соч. Батюшкова, III, стр. 187 и I, стр. 192.

6) Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 18 апрѣля 1819 г.

впослѣдствіе Полевой назвалъ однообразіемъ мысли ¹⁾, Бѣлинскій „односторонностью“, ибо Жуковский „заключенъ въ себѣ“ ²⁾. Надо обезпечить Жуковского на зло ему, писалъ кн. Вяземскій А. Тургеневу: „такой человекъ, какъ онъ, не долженъ быть рабомъ обстоятельствъ. Слава царя, отечества и вѣка требуютъ, чтобъ онъ былъ независимъ. Пускай *слетаетъ онъ на землю* только для свиданія съ друзьями своими, а не для мелкихъ и недостойныхъ его занятій (1815 г. 22 марта ³⁾). Онъ добродушно пронизиваетъ надъ его *дѣвственностью* (1818 г. 27 октября), *платонической дружбой* (1819 г. 23 мая), надъ его страстью всюду отыскать „нѣмца или душу по себѣ“ (1820 г. 8 декабря).

Далѣе тонъ становится серьезнѣе: „пора бросать истощенное и искони неблагоприятное поле библейское“, читаемъ въ другомъ письмѣ; „одинъ Жуковский умѣетъ доить и стричь этого духовнаго козла, отъ коего нѣтъ ни молока, ни шерсти. Но и то отъ того, что беретъ онъ изъ религіи не краски, а чувство, *чувство страданія*, которое такъ пріятно отзывается въ сердцахъ страдальцевъ земныхъ“ ⁴⁾. Князь Вяземскій наслаждается его Аббадонной: главный недостатокъ Жуковского — „однообразіе выкроекъ, формъ, оборотовъ, а главное достоинство — выкапывать сокровеннѣйшія пружины сердца и двигать ихъ. *C'est le poète de la passion*, т. е. *страданія*. Онъ брѣнчитъ на распятіи: лавровый вѣнецъ его — вѣнецъ терновый, и читателя своего не привязываетъ онъ къ себѣ, а точно прибавляетъ гвоздями, вколачивающимися въ души. *Сохрани, Боже, ему быть счастливымъ: съ счастьемъ лопнетъ прекраснѣйшая струна его лиры* (князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1 мая 1819 г.).

Критика растетъ: „Жуковский Шиллеромъ и Гёте отучить насъ отъ приторной пищи однообразнаго французскаго стола, но своими *бутошниками*“ ⁵⁾ и тому подобными можетъ надолго

1) Очерки, I, стр. 123.

2) Литературныя мечтанія. Соч. Бѣлинскаго, подъ редакціею С. А. Венгерова, т. I, стр. 352.

3) Тургеневъ къ князю Вяземскому отъ 1 апрѣля того же года.

4) Князь Вяземскій А. Тургеневу 1819 г. 17 марта.

5) В. И. Сaitовъ предполагаетъ, что эта аллюзія стоитъ, быть можетъ, въ связи съ „Двѣнадцатью спящими бутошниками“, пародіей на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковского. Авторомъ пародіи, явившейся въ 1832 году, былъ Проташинскій. Сл. Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ I, стр. 616, прим. къ стр. 274.

улалить то время, въ которое желудки наши смогутъ варить смѣлую и рѣзкую пищу нѣмцевъ“ 1). Тургеневъ въ восторгѣ отъ „Цвѣта завѣта“, „намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ“ 2), для Вяземскаго Жуковскій „слишкомъ уже мистицизуетъ, то есть, слишкомъ часто обманываться не надобно: подъ этимъ туманомъ не таятся свѣтъ мысли. Хорошо временемъ затеряться въ этой глуши безпредѣльной, но засѣсть въ ней и на чистую равнину не выходить на показъ — подозрительно. Онъ такъ наладилъ одну пѣсню, что я, который обожаю мистицизмъ поэзіи, начинаю уже уставать. Стихи хороши, много счастливыхъ выраженій, но все одинъ складъ: вездѣ выглядываетъ ухо и звѣзда Лабзина 3). Поэтъ долженъ выливать свою душу въ разнообразныхъ сосудахъ. Жуковскій болѣе другихъ долженъ остерегаться отъ однообразія: *онъ страхъ какъ легко привыкаетъ*. Было время, что онъ напалъ на мысль о смерти и всякое стихотвореніе свои кончалъ похоронами. Предчувствіе смерти поражаетъ, когда вырывается, но если мы видимъ, что человѣкъ каждый день ожидаетъ смерти, а всетаки здравствуетъ, то предчувствіе его, наконецъ, смѣшитъ насъ“. И кн. Вяземскій рассказываетъ, какъ собирался умирать изувѣченной на войнѣ Евдокимъ Давыдовъ: „Ну, братецъ, и думаешь о смерти; ну и думаешь, что умрешь вечеромъ; ну, братецъ, и велишь себѣ подать чаю; ну, братецъ, и пьешь чай и думаешь, что умрешь; ну, не умираешь, братецъ; велишь себѣ подать ужинать, братецъ; ну, и ужинаешь и думаешь, что умрешь; ну, и отужинаешь, братецъ, а не умираешь; опять ляжешь; ну, братецъ, и заснешь и думаешь, что умрешь,

1) 1819 г. 24 іюля князь Вяземскій Тургеневу.

2) Князю Вяземскому 30 іюля 1819 г. И. И. Дмитріевъ нашелъ балладу Жуковскаго „съ цвѣточкомъ длинноватою“ (письмо 10 августа 1819 г.). „Дмитріеву не можетъ этотъ родъ поэзіи нравиться. Эти цвѣты пересажены не въ его цвѣтущее время. Душа его завяла прежде, и душистые ароматы германо-британской поэзіи нравились иногда только его взору, а не обонянію. Онъ искалъ въ этихъ цвѣтахъ однѣхъ красокъ и формъ, а для запаха ихъ потерялъ онъ уже необходимую свѣжесть чувства“ (Ал. Тургеневъ князю Вяземскому 19 августа 1819 г.).

3) Извѣстнаго піетиста и мистика, издателя Сіонскаго Вѣстника. „Звѣзда“ намекаетъ, быть можетъ, на его стремленіе „къ надзвѣзднымъ областямъ“. Въ 1816 г. онъ получилъ Владимира 2-й степени „за изданіе на отечественномъ языкѣ священныхъ книгъ“.

братецъ; утромъ проснешься, братецъ; ну, не умеръ еще; ну, братецъ, опять велишь подать себѣ чаю, братецъ“. (1819 г. 5 сентября).

Самъ Жуковскій подавалъ поводъ къ такой критикѣ своего мистицизма и „чертовщины“. Когда-то все это отвѣчало его меланхолическому настроенію, но затѣмъ стало его стилемъ, эстетической игрой, которой онъ тѣшился и въ которой набилъ руку. Еще въ 1814 году онъ писалъ Тургеневу про свою „балладу—пріемышъ“ („Старушка“): „ужъ то-то черти, то-то гробы!... Не думай, чтобы я на однихъ только чертяхъ хотѣлъ ѣхать въ потомство. Нѣтъ! я знаю, что они собьютъ на дорогѣ, а, признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали“ (20 октября 1814 г.). Въ посланіи къ Воейкову (21 декабря 1814 года: „О, Воейковъ, видно, намъ“) онъ самъ считаетъ себя достойнымъ адскихъ мукъ

За вѣдѣмъ, за привидѣнья,
За чертей, за мертвецовъ.

Во второмъ „подробномъ отчетѣ о лунѣ“, представленномъ Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ (1820 г.: „Хотя и много я стихами“), кокетливо перечислены таинственные лунные эффе́кты Свѣтланы, Пѣвца, Адельстана, Варвика, Вадима, Сельскаго Кладбища, Эоловой Арфы, и Ал. Тургеневъ, только что жаловавшійся, что „Жуковскій весь въ грамматикѣ“¹⁾, ждетъ, что Дмитріевъ порадуетъ его своимъ „отзывомъ о бородинской ночи Павловскаго лунатика, который и самъ поразился воскресшему въ немъ генію“²⁾; „Павловскій лунатикъ“, „припудренный Оссіанъ“ слышится въ другомъ письмѣ³⁾. И самъ Жуковскій кается, благодаря А. Г. Хомутову за доставленную ему книгу:

Сей мрачный томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами
И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ.
Люблю я страшное подъ часъ.

1) Къ Дмитріеву 6 мая 1819 г.

2) Къ нему же 23 іюля 1820 г.

3) Кн. Вяземскій Ал. Тургеневу 15 августа 1819 г.; сл. письмо къ тому же 9 февраля 1822 г. (придворный Оссіанъ).

Онъ „чертописецъ“ (письмо къ Гнѣдичу 1821 г.), кн. Вяземскій назвалъ его „гробовыхъ дѣлъ мастеромъ“, Хомутова *ténebreux enchanteur*, „гробовымъ прелестникомъ“; онъ не промѣняетъ эту кличку ни на какую другую славу (къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой 1820), а въ письмѣ къ Нарышкину, съ просьбою устроить его поудобнѣе въ Петергофѣ, предупреждаетъ, что возьметъ съ собою семью крылатыхъ сновъ,

Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
Запасъ домашнихъ привидѣній
И самокоптныхъ мертвецовъ.

(Письмо къ А. А. Нарышкину 1820 г.) ¹⁾.

Гоголь готовъ жаднымъ ухомъ ловить изъ устъ Жуковскаго сладчайшій нектаръ „приготовленный самими богами изъ тьмо-численнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго на-

1) Слѣдующее сопоставленіе можетъ быть психологически интересно. Въ дневникѣ 1838 года подъ 3/15 іюля описывается поѣздка въ Грингольмъ: Жуковскому отвели на ночь горницу съ окнами въ глубокихъ амбразурахъ, съ старинной кроватью; на стѣнѣ портреты; между ними „двѣ женщины въ родѣ бѣлой женщины“; „дверка, отворяющаяся въ темный корридоръ и на ней портретъ. Словомъ, все, что нужно для явленія самаго полновѣснаго мерзавца“; „за ужиномъ зрители, и между ними Бѣлая женщина“.— Въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ (Копенгагенъ 24 іюня 1838 г.), часть котораго напечатана была подъ заглавіемъ: „Очерки Швеція“, описывается ужинъ; зрители за стульями составляли живую, подвижную картину, надъ ними — другіе неподвижные, безмолвные зрители, точно пришедшіе съ того свѣта узнать, что дѣлаетъ поколѣніе нашего вѣка. „И что же вижу? Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутые на длинный носъ, смотреть на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостя — не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью“. Жуковскому сказали, что именно его комнату особенно предпочитаютъ привидѣнія. Когда онъ вернулся къ себѣ, было за полночь; онъ долго ходилъ, пока рѣшился загасить свѣчу и лечь спать. „Что же? Я подхожу къ своей постели! . . . Но мнѣ надобно оставить перо до слѣдующаго письма, въ которомъ доскажу, что случилось со мной въ замкѣ Грингольмъ“. На этой фразѣ намѣренно кончается текстъ Очерковъ; видно, какъ зародилось впечатлѣніе и какъ оно слагается сознательно-литературно въ таинственно настраивающій разговоръ.

шему сердцу“ (къ Жуковскому 10 сентября 1831 г.).— Въ 1841 году на обѣдѣ, данномъ Жуковскому, „разговоръ зашелъ за столомъ о привидѣніяхъ, духахъ и явленіяхъ, и очень кстати, передъ ихъ родоначальникомъ, который пустилъ ихъ столько по святой Руси въ своихъ ужасно прелестныхъ балладахъ“. На этотъ разъ Жуковскій въ письмѣ къ Погодину выразилъ опасеніе, что такой отзывъ о немъ, явившійся на страницахъ Москвитянина (1841 г. № 2, стр. 601), можетъ быть принятъ за колкую насмѣшку ¹⁾, — и если позже называлъ себя „поэтическимъ дядькой на Руси „чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“, то потому, что успѣлъ загладить свой грѣхъ, отворивъ русскому читателю двери заповѣднаго классическаго Эдема (къ Стурдзѣ 10 марта 1849 г.).

Пріятелей безпокоила не только односторонность балладника, но и вліяніе на него необычной придворной сфѣры, въ которой онъ очутился. Онъ „страхъ какъ легко привыкаетъ“; мы знаемъ отъ него самого, что онъ „очарованъ“, нашелъ поэзію, свободу. Его полюбили въ царской семьѣ, и самъ онъ къ ней привязался, но онъ будетъ идеализировать все, не поддающееся идеализаціи, искать счастья, гдѣ его нѣтъ, пріюта чувству, гдѣ на него не можетъ быть отълика — и лѣниться между двумя мадригалами.

Д. В. Давыдовъ боится, „чтобы изъ независимаго философа“ онъ „не поступилъ въ рабы фортуны“ ²⁾. „Жуковскій, хотя еще и на мѣстѣ (при дворѣ, въ Москвѣ), но рѣдко посѣщаетъ меня, писалъ Ал. Тургеневу Дмитріевъ (18 марта 1818 г.). Ревность друзей его почти достигла цѣли: кажется, поэтъ мало-помалу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни, начинается прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды, и между тѣмъ будемъ питаться „Овсянымъ киселемъ“. Для меня и онъ по вкусу, но

1) Сл. Барсуковъ, Жизнь и Труды М. П. Погодина VI, стр. 18 слѣд.; Русскій Архивъ 1899 г., октябрь, стр. 302 слѣд.; Модзалевскій, Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, Извѣстія Отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ VII, 4, стр. 118.

2) Письмо къ князю Вяземскому 16 декабря 1815 г., Русск. Арх. 1866 г. № 6, ст. 897.

я лакомъ и люблю разнообразіе“¹⁾. Въ этомъ смыслѣ говорилъ онъ и Жуковскому и объясняется съ нимъ въ письмѣ 30 декабря 1818 года: „я постоянно люблю васъ и за вашу талантъ, и за ваше непорочное сердце, оттого и говаривалъ вамъ иногда не по васъ въ бытность вашу въ Москвѣ. Зная мѣру вашихъ способностей и ревнуя по славѣ вашей поэзіи, я все желаю, чтобы вы не засиживались, чтобы вы, не упуская золотого времени, когда ужъ и талантъ вашъ въ полномъ созрѣніи, болѣе и болѣе мужались, возвышались и сіяли на поприщѣ, предопредѣленномъ вамъ природою“.—„Онъ точно теперь въ отдѣленіи Бортнянскаго придворный пѣвчій“, пишетъ князь Вяземскій, прочтя его стихи на смерть королевы Виртембергской: „онъ—настоящій индѣецъ, который глотаешь шпаги: у него все поэзія—царскій двери, дьячки, пономари. Искусный чудесникъ!“ (4 апрѣля 1819 г. Тургеневу). Жуковскій пудрится, повѣрили другъ другу его пріатели; душа осталась при немъ, но онъ можетъ растрясти ее мало по малу на павловскихъ линейкахъ, вечернихъ прогулкахъ и бесѣдахъ о лунѣ²⁾. „Его голова крѣпче Филаткиной, если устоитъ противъ этой карточки порабощенія и чванства. А я думаю о немъ къ сокрушеннымъ сердцемъ, пепломъ осыпаю его голову и плачу надъ его разверстою могилой, если не раздастся голосъ жизни въ какихъ-нибудь новыхъ стихахъ. Душа не спина. Спина отдувается: бей ее какъ хочешь, наяржай, навьючь—погнется и распрямится. На той легчайшее иго, минутное осязаніе сквернаго оставляють неизгладимые слѣды“³⁾. Кн. Вяземскій приискалъ ему въ статьѣ Карамзина о Богдановичѣ пугало⁴⁾: „онъ былъ на розахъ, какъ говорятъ французы (на павловскихъ розахъ), но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника музъ въ самое цвѣтущее время таланта“⁵⁾. Стихи Жуковскаго „хороши и очень „хороши, но иное темно,

1) Къ 1818 г. относится, по всей вѣроятности, и неизданное пока письмо А. Тургенева къ Жуковскому отъ 26 марта: „Ты насъ забылъ, а московскіе пріатели уже обвиняють тебя въ придворной службѣ“.

2) А. Тургеневъ къ князю Вяземскому 11 іюня; сл. письмо 5 іюля того же года.

3) Князь Вяземскій Тургеневу 20 іюня 1819 г.

4) Вѣстникъ Европы, ч. IX, № 10, май 1803 г., стр. 102 слѣд.

5) Князь Вяземскій къ Тургеневу 24 іюня 1819 г.

иное холодно“, сообщалъ Карамзинъ Дмитріеву (№ 229, 1819 г. 28 февраля) и прибавляетъ въ письмѣ отъ 8 іюня (№ 237): „онъ пишетъ стихи фрейлинамъ“.

Важно для характеристики душевнаго состоянія Жуковскаго въ 1819—20 годахъ, въ пору видимо устраивавшейся жизни и новыхъ обступившихъ его обаяній — его посланіе къ кн. А. Ю. Оболенской: въ немъ, мы видѣли ¹⁾, онъ мечталъ о „семейственномъ счастьѣ“, въ послѣсловіи онъ говоритъ объ опасностяхъ *большого свѣта*.

Я признаюсь: опасно плыть
 Мнѣ по морю *большого свѣта*
 Съ обманчивой звѣздой поэта:
 Любуюсь милой сей звѣздой
 И слѣдую мечтой послушной
 За прелестью ея воздушной,
 Я руль позабываю мой,
 Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
 И въ обольстительныхъ лугахъ
 Зрю призракъ береговъ *цветущихъ*
На неприступныхъ берегахъ.

(26 Іюля 1820 г.).

Тургеневъ посѣтилъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ „царско-сельскихъ мудрецовъ“, Карамзина и Жуковскаго: „они блаженствуютъ, потому что живутъ съ собою и заглядываютъ во дворецъ только для того, чтобы получать тамъ дань непритворнаго уваженія съ одной стороны и, вѣроятно, зависти съ другой. Вотъ тебѣ письмо отъ нихъ, сообщаетъ онъ кн. Вяземскому, Жуковский радуется обхожденіемъ государыни съ ними, ибо оно сердечное и искреннее. Пудра не запылила души его, и дѣятельность его, кажется, начинаетъ воскресать. Посылаю болтовню его о лунѣ и солнцѣ. Я провелъ у нихъ вечеръ пріятный съ Нелединскимъ-Мелецкимъ и Перовскимъ“ ²⁾. Кн. Вяземскій получилъ „Цвѣтъ Завѣта“, и его собственные стихи ему „огадились“. „Какъ можно быть поэтомъ по заказу? спрашиваетъ онъ: стихотворцемъ — такъ, я понимаю, но чувствовать

1) Сл. выше стр. 283.

2) Князю Вяземскому 5 августа 1819 г.

живо, дать языку души такую вѣрность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь-ли, что въ Жуковскомъ вѣрнѣйшая примѣта его чародѣйствія? Способность, съ которою онъ себя, то есть поэзію, переноситъ во всѣ недоступныя мѣста. Для него дворецъ преобразовывается въ какую-то святыню, все скверное очищается передъ нимъ“¹⁾.

Поэзія уступила мадригалу, и Пушкинъ пародируетъ его: по дорогѣ изъ Царскаго въ Павловскъ онъ писалъ „посланіе о Жуковскомъ къ павловскимъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ“, сообщаетъ кн. Вяземскій, съ которымъ Пушкинъ читалъ „новую литургію(?) Жуковского“ и „панихиду его чижіку графини Шуваловой“²⁾.

Въ 1819—20-мъ году Николай Михайловичъ Коншинъ, въ юности восторженный поклонникъ Жуковского, служилъ въ Финляндіи, гдѣ близко сошелся съ Боратынскимъ. Сочиненія Жуковского лежали у него на столѣ; „его элегіи дышали небомъ, котораго онъ былъ избранный сынъ, писалъ онъ, дѣлая характеристику поэта, очевидно, не назначенную для печати; я любилъ его, несмотря на его *глупые отчеты о музѣ, къ сану поэта, священника, вовсе не идущіе*; я любилъ того Жуковского, который воспѣлъ 12-й годъ—и по моему мнѣнію—умеръ; онъ и долженъ былъ умереть тогда, чтобы жить вѣчно представителемъ великой эпохи“³⁾.—„Cette profanation du génie m'a

1) Къ Тургеневу 7 августа 1819 г.

2) Князь Вяземскій Тургеневу 26 августа 1819 г.; сл. письмо Тургенева къ князю Вяземскому 23 іюля того же года. Къ шутивымъ произведеніямъ Жуковского того же рода относится и недавно изданное „Надгробное слово на скоропостижную кончину именитаго паука Фадея, служившаго пѣльясъ сутки комнатнымъ паукомъ у ея превосходительства Варвары Павловны Ушаковой, отличнаго благонавіемъ, обжорствомъ и пузомъ и кончившаго дни свои въ пузырькѣ, въ которомъ ея превосходительству благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать“. См. Историческій Вѣстникъ 1902 г., апрѣль, стр. 169 слѣд.

3) Характеристика эта, напечатанная А. И. Кирпичниковымъ въ Русской Старинѣ 1897 г., февраль, стр. 276, полна такого рода предубѣжденій. Коншинъ видѣлъ Жуковского въ 1830-мъ году въ Царскомъ Селѣ: „толстый, плѣшивый здоровякъ, сказочникъ двора, онъ уже не имѣлъ въ глазахъ моихъ никакого достоинства. Его звали добрякомъ, онъ ходилъ съ звѣздами и лентами, вовсе ими не чванился, видъ имѣлъ скорѣе конфузный, нежели барскій; но передъ нимъ не остановишься и не спросишь—кто это, какъ я остановился здѣсь передъ Сперанскимъ“. Коншинъ

choqué“, писалъ И. В. Кирѣевскій, когда въ 1830 году Жуковскій читалъ ему свои старыя *стихи къ фрейлинамъ, къ Нарышкину*, на заданныя риемы ¹⁾).

Самъ Жуковскій такъ объяснялъ Прокоповичу-Антонскому, почему въ эту пору его муза стала скупа на стихи; „новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣлъ и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта. Съ непривычки угарно“. (26 ноября 1819 г.); „благодарю Васъ за ваши пени на счетъ моего стихотворства; я и лѣнился и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни, однако не разстался съ своею музою и понемногу пишу. Было бы великое для меня несчастіе, еслибъ муза моя, ближняя моя родня, меня покинула: я бы жестоко осиротѣлъ“. (26 декабря 1819 г.) ²⁾. „Дай Богъ, чтобы ваше доброе желаніе исполнилось, чтобы вы никогда ни на часъ не разлучались съ своею прелестною музою, отвѣчалъ Антонскій. Только глядите; всѣ думаютъ, что вы къ ней становитесь равнодушны, если не холодны“ (2 фѣвраля 1820 г.). Съ Жихаревымъ онъ потужилъ, что Жуковскій не живетъ „въ уединеніи. Оно вѣрно бы больше богато было вашими произведеніями. Житейскія суеты и дѣла службы съ музами худо ладятъ“ (15 марта 1820 г.) ³⁾. Карамзинъ повторяетъ свои сомнѣнія: „Жуковскій совсѣмъ не суетенъ и еще менѣе корыстолюбивъ, но лѣтній Дворъ приводитъ его въ разсѣяніе, не весьма для Музъ благоприятное, и въ любовную меланхолію, хотя пѣтическую, однакожъ не стихотворную. Онъ еще молодъ, авось и встанетъ и возрастетъ“ ⁴⁾).

Въ томъ же году Блудовъ жалуется Дмитріеву на упадокъ русской литературы: молчитъ Дмитріевъ, бросивъ юстицію и музъ, молчитъ Пушкинъ; Карамзинъ, переселившись въ Петер-

готовъ усомниться даже въ легендарной добротѣ и филантропіи Жуковского и въ этомъ смыслѣ толкуетъ анекдотъ, сообщенный ему барономъ Розеномъ (поэтомъ). О Коншинѣ сл. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи новой русской литературы, т. 2-й, изд. 2-ое, стр. 90 слѣд.

1) Письмо 20 января 1830 г., Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 26.

2) См. Русскій Архивъ 1902 г., май: Изъ писемъ В. А. Жуковского къ А. А. Прокоповичу-Антонскому, стр. 142—143.

3) Русская Старина 1902 г., октябрь, стр. 201—2.

4) Карамзинъ къ Дмитріеву № 260, 19 октября 1820 г.

бургъ, четвертый годъ корпитъ надъ девятымъ томомъ, иныя, показавъ талантъ „учать грамотѣ при дворѣ или и сами учатся иной придворному, иной подъяческому искусству¹⁾. „Читаль-ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ-ли ты его „Голосъ съ того свѣта“? (въ 3-й книжкѣ „Для немногихъ“ 1818 г.). Что ты объ нихъ думаешь? Петербургъ душень для поэта“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому (1820 г. апрѣль).

3 октября 1820 года Жуковскій выѣхалъ изъ Дерпта за границу, вслѣдъ за своей ученицей, великой княгиней Александрой Федоровной. Передъ отъѣздомъ онъ былъ что-то не веселъ, съ каждымъ днемъ грустнѣе; что съ нимъ дѣлается? ужь не влюбленъ-ли онъ? говорили пріятели²⁾. „Наконецъ, нѣкоторыя желанія сбываются, писалъ онъ 2 октября 1820 г. изъ Дерпта А. П. Елагину: увижу прекрасныя стороны, въ которыя иногда бѣгало воображеніе, но, признаюсь, не думаю увидѣть ихъ въ томъ очарованіи, какое дала бы имъ первая молодость, товарищъ еще не образумѣвшей надежды. Жизнь измѣнилась, и все, что теперь ни увидишь, представится ограниченнымъ въ тѣсномъ кругѣ. Но все путешествіе оживитъ и расширить душу. Надѣюсь, что оно пробудитъ и давно уснувшую поэзію“. Въ то-же время опасенія друзей обновились и выражаются ярче: „Погостить бы ему при Фридрихѣ II. Впрочемъ, чего добраго, онъ, пожалуй, и этого воспоетъ“, пишетъ Вяземскій (Тургеневу 27 ноября 1820 г.); и въ другомъ письмѣ: „Я боюсь за Жуковскаго: такимъ образомъ и путешествіе не провѣтрить его. Онъ перенесетъ свою Аркадію во дворецъ и возвратится съ тѣмъ же безпечіемъ, съ тѣмъ же, смѣю сказать, *отсутствіемъ мужества*, достойнаго его таланта. Ему не душу питать нужно: она сама собою питается, и если бояться за нее, то не отоцанія, а индигестіи, но нужно расшевелить умъ, разнообразить впечатлѣнія, понятія, чувствованія. Я вижу его отсюда: жметъ невымытую руку Гуфеланда, сравниваетъ ее съ запачканной рукой Эверса и говоритъ:

О сладкій жаръ во грудь мою пронизъ³⁾.

1) Е. П. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, письмо отъ 27 іюня 1820 г., стр. 253.

2) К. Я. Булгаковъ брату 14 и 15 сентября 1820 г. Русск. Арх. 1902 г. ноября, стр. 379, 380. Сл. выше стр. 282—3.

3) Сл. выше стр. 201—1.

Жуковскій тоже Донъ-Кихоть въ своемъ родѣ. Онъ помѣшался на душевное и говорить съ душами въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ души никогда и не водилось.— Онъ „набилъ руку на душу, чертей и луну“, но „ему нужно непремѣнно бы имѣть при себѣ Санхо, напимѣръ, меня, который ворочалъ-бы его иногда на землю и носомъ притыкалъ его къ житейскому“. (Тургеневу, 12 декабря 1820 г.).

„Я такъ любопытствую узнать, какъ дѣйствуетъ на тебя европейскій воздухъ, писалъ кн. Вяземскій Жуковскому, но отъ Тургенева узнаю только, что ты палишь отъ старца Эверса съ старцемъ Гуфландомъ. Добрый мечтатель! полно тебѣ нѣжиться на облакахъ: спустись на землю, и пусть, по крайней мѣрѣ, ужасы, на ней свирѣпствующіе, разбудятъ энергію души твоей. Посвяти пламень свой правдѣ и брось служеніе идоловъ. Благородное негодованіе—вотъ современное вдохновеніе! При видѣ народовъ, которыхъ тащутъ на убіеніе въ жертву какихъ-то отвлеченныхъ понятій о чистомъ самодержавіи, какая лира не отгрянетъ сама: мечь! мечь! Ради Бога, не убаюкивай независимости своей на розахъ Постдамскихъ, ни на розахъ Гатчинскихъ. Если бы я предостерегалъ тебя отъ суетности, то вѣрно замолчалъ бы скоро, ибо страхъ мой за тебя не могъ бы сочетаться съ уваженіемъ моимъ къ тебѣ; но страпшусь за твою царедворную мечтательность. Въ наши дни союзъ съ царями разорванъ: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать противъ нихъ, но не знаться съ ними. Провидѣніе зажгло въ тебѣ огонь дарованія въ честь народу, а не на потѣху двора.... Повторяю еще, что этотъ страхъ не въ ущербъ уваженія моего къ тебѣ, ибо я увѣренъ въ непреклонности твоей совѣсти; но мнѣ больно видѣть воображеніе твое, зараженное какимъ-то дворцовымъ романтизмомъ. Какъ ни дѣлай, но въ атмосферѣ, тебя окружающей, не можешь ты ясно видѣть предметы, и многія чувства въ тебѣ усыплены. Зачѣмъ не разнообразить круга твоихъ впечатлѣній? Воспользуйся разрѣшеніемъ твоимъ отъ петербургскихъ оковъ, столкнись съ мнѣніемъ европейскимъ; можетъ быть, стычка эта пробудитъ въ тебѣ новый источникъ. Но если по Европѣ понесешь за собою и передъ собою Китайскую стѣну Павловскаго, то никакое чуждое дыханіе до тебя не дотронется“.... (15/27 марта 1821 г.)¹⁾.

1) Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 2 стр. 181—182.

Санчо-Вяземскаго не случилось при Жуковскомъ, и опасенія относительно Донъ-Кихота были въ извѣстной степени справедливы. Берлинскія „дневныя замѣтки“ Жуковскаго указываютъ на какую-то странную неуравновѣшенность. Онъ по прежнему сентиментальничаетъ: познакомился съ Гуфеландомъ, лицо котораго выражаетъ „глубокомысленность и добродушіе“ (дневникъ 31 октября/10 ноября 1820 г.), побесѣдовалъ съ нимъ о возвышенныхъ предметахъ, встрѣтилъ въ немъ челоуѣка „по сердцу“; это то же, что „вдругъ открывшійся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуетъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; становишься чувствительнѣе, выше, пробуждается мысль о Богѣ, о счастіи, объ друзьяхъ, пробуждается возвышенная довѣренность къ самому себѣ. Смотри въ глаза старику Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater“. Прощаясь съ Жуковскимъ, Гуфеландъ сказалъ ему, съ какимъ-то прелестнымъ доброжелательствомъ: *Adieu, Sie haben mich sehr erfreut!* Эти слова продолжали звучать въ душѣ Жуковскаго: „дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать; я увѣренъ, что въ моемъ путешествіи все трогательное будетъ имѣть надо мной это дѣйствіе“ (дневникъ 3/15 ноября 1820 г.)¹⁾.

И его чувствительность дѣйствительно раздвѣтаетъ; безпрестанно онъ любитъ луною, восходомъ и заходомъ солнца;

1) Въ замѣткѣ 3/15 ноября Жуковскій сообщаетъ „собственную мысль“ Гуфеланда, которая поразила его своею простотою. Гуфеландъ внесъ ее въ его альбомъ, знакомый намъ по автографамъ Жанъ Поль Рихтера и Тика (сл. выше стр 24, 28—9):

Leben, Liebe, Licht,
 Vater, Sohn, Geist.
 Gott.
 Gott, Vater des Lebens,
 Gott, Sohn und Herr der Liebe,
 Gott, Erleuchter des Geistes,
 Lass uns leben in Liebe und Licht,
 So leben wie in Gott.

Diess, mein theurer Freund, erinnere Sie an den Anfang unserer Freundschaft und ihre ewige Dauer. Berlin d. 8 mai 1821. D. Hufeland. Упомянутое Гуфеланда въ Дневникѣ 1821 г. passim.

рядомъ съ восторженными описаніями видовъ и развалинъ, картинъ и дворцовъ—придворные и другіе обѣды, гдѣ онъ сидитъ съ такимъ-то; театры и знакомства. Дворомъ онъ очарованъ и многихъ очаровалъ; здѣсь завязалась его дружба съ кронпринцемъ, будущимъ королемъ ¹⁾).

Но ему часто не по себѣ: прекрасное январское утро подбодрило его; отчего бы не подбодриться и—волѣ? И онъ отвѣчаетъ на свой вопросъ анализомъ самого себя, въ стилѣ юношескаго дневника: „воля живетъ дѣятельностью, а я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она всѣ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя ужиться, производитъ въ одно время и уныніе душевное и истребляетъ бодрость“. Болѣе всего тревожитъ его мысль о его теперешнемъ несовершенствѣ: „вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ утратѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно *отказаться отъ потеряннаго* и сказать себѣ, что *настоящее и будущее мое*. Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ-бы могъ и долженъ бы быть; я никогда не дойду къ тому, къ чему-бы могъ дойти, *если-бы пустился ранѣе въ дорогу и не потерялъ времени*. Но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться отъ *той* дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если-бы не *истратилъ безумно полжизни на ничто*; рѣшишь искать того, что еще можетъ быть *твоимъ*, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаяваться отъ неудачъ. Достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и постоянномъ къ нему стремленіи; *достиженіе* не отъ него зависитъ. *Я могу еще имѣть религію*, могу имѣть чистую нравственность, могу исполнить свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно по-

1) Варигагену фонъ-Энзе д-ръ Корефъ рассказалъ, что король, увидавъ Жуковскаго въ числѣ лицъ, поспѣвшихъ привѣтствовать его, бросился въ его объятія и отдыхалъ своей ланитой на его ланитѣ по крайней мѣрѣ пять минутъ, что дало поводъ съострить, что, вѣроятно, его величество чувствовалъ большую усталость. Сл. выдержки изъ Дневниковъ Фарнгагена подъ 1845 г. 3 августа. Русскій Архивъ 1875 г. №7, стр. 353—4.

тому и не отказывайся отъ приобрѣтенія. Положить себѣ за правило: въ обществѣ не искать никакого успѣха; думать только о томъ, чтобы приобрѣтать хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ-бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и приобрѣтать, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ. Излишняя заботливость объ этой ложной наружности устремляетъ вниманіе только на самого себя и лишаетъ возможности видѣть, слышать и пользоваться другими“ 1).

Подъ 8/20 марта отмѣчено чтеніе „Пери“ у Великой Княгини; 4/16 апрѣля онъ принялся было за „Die Bestimmung des Menschen“ Фихте, но долженъ былъ оторваться отъ чтенія, чтобы быть съ великой княгиней у заутрени, на часахъ и у обѣдни. Вернувшись, снова принялся за книгу, „но вздумалъ, что терять времени не должно, и отправился въ Санъ-Суси смотрѣть галерею“; черезъ нѣсколько дней (11/23 апрѣля) снова „началъ читать Фихте — и заснулъ надъ книгою; но не отъ скуки“. Подъ 6/18 апрѣля, отдавая великой княгинѣ молитву во время вечерни, онъ „увидѣлъ въ ея рукахъ другого рода молитвенникъ: письма ея матери! Какая прелестная, трогательная мысль обратить въ молитву, въ очищеніе души, въ покаяніе — воспоминаніе о матери! И что же въ этой книжкѣ? Ея мысли, ея чувства, въ самыя тяжкія минуты жизни наполнявшія и утѣшавшія душу ея! Вотъ настоящая, чистая набожность! Какъ мало этого возвышающаго въ обрядѣ нашего говѣнія — вмѣсто того, чтобы входить въ себя, вспоминать прошедшее, объяснять его для себя, мы только развлекаемъ себя множествомъ молитвъ, хвалебными пѣснями, ничтожными въ сравненіи съ Тѣмъ, Кого онѣ хвалятъ, и мало говорящими сердцу“. Для этого времени слѣдовало-бы „заготовить для себя нѣсколько вопросовъ, относящихся до вѣры и до жизни нашей; возобновить вкратцѣ все, что составляетъ религію нашу, слѣдовательно, сдѣлать для себя извлеченіе всего важнѣйшаго въ Св. Писаніи; пройти это все въ отношеніи къ нашей жизни! Что же касается до молитвы, — то довольно одной, къ которой нечего прибавить: Отче Нашъ! Въ обѣднѣ же нашей заключены всѣ таинства религіи: Твоя отъ Твоихъ — вотъ все христіанство.... Чтобы кончить нынѣшній день лучше, и я перечиталъ въ моей Лалла Рукъ то, что написано было великою

1) Дневникъ 8/20 января 1821 г.

княгиней, и написал кое-что свое. Elle est ma religion! Il n'y a pas de plus grande jouissance, que de sentir avec pureté la beauté d'un âme pure!" 1).

11/23 апрѣля Жуковскій сидѣлъ на Ruinenberg'ѣ въ Sans-Souci, „смотря грустными глазами на заходящее солнце, которое удивительно украшало окрестности, видимыя сквозь деревья и развалины: для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасъ будущее! По крайней мѣрѣ на эту минуту я не имѣю ничего въ запасѣ“.

17/29 апрѣля: „мнѣ грустно, потому что я не видѣлъ нынче великой княгини. Видѣть ее въ этотъ день, въ ея семьѣ, и подѣлиться воспоминаніемъ о прекрасномъ московскомъ днѣ (рожденіе великаго князя Александра Николаевича) есть удовольствіе, котораго, понятно, ничѣмъ воротить нельзя.... И этотъ день могъ бы быть прелестнымъ, — а я долженъ его провести въ какомъ-то сухомъ одиночествѣ! Я переписывалъ для кронпринца переводъ своихъ стиховъ на этотъ день. Но какъ было бы весело говорить объ немъ! Посмотримъ, какъ онъ кончится.... Обѣдалъ за маршальскимъ столомъ, и съ генераломъ Блокомъ пили здоровье новорожденного. Вечеру гулялъ въ Neue Garten съ Кавелинымъ и Адлербергомъ. Вечеръ былъ прекрасный. Великая княгиня возвратилась, и я успѣлъ ее поздравить. Только не слишкомъ-ли? Какъ все не такъ дѣлается, какъ думается.... Я прописалъ цѣлое утро для кронпринца, а онъ и

1) Этотъ афоризмъ встрѣчается подъ тѣмъ-же днемъ, въ числѣ другихъ, въ альбомѣ Жуковского, недавно поступившемъ въ Имп. Публичную Библіотеку (на футлярѣ помѣтка: Berlin, den 3-en april 1821). Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Kommt die Hilfe zu auch nicht schnell, so kommt sie doch gewiss! Ja gewiss, aber das wie und das wo soll uns nicht qualen. Wie? Als Rettung oder als Vergeltung? Wo? Wenn auch nicht hier, so haben wir doch die ganze Ewigkeit vor uns! Вѣчность можно сравнить съ мученіями родины! Минута смерти есть минута разрѣшенія!.... Говорятъ, что нѣтъ минуты блаженнѣе первой минуты материнскаго счастья — можетъ быть, и минута разлуки души съ тѣломъ имѣетъ сіе блаженство. Смерть есть не иное что, какъ слова на крестѣ: Свершилось! Какая разница между помощью Божіей и помощью человѣческой!“ — Подъ 6/18 апрѣля (въ Потсдамѣ): „....Безсмертіе есть врожденное чувство; оно свойственно всякой душѣ, но оно чаще отзывается въ душѣ чувствительной и высокой.... но это чувство.... обращается для насъ въ понятіе.... при несчастіи“ — „Il n'y a pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure“. — Слѣдуетъ далѣе замѣтка, касающаяся Воейковой, сл. выше стр. 280—1.

не подумалъ въ нынѣшній день обо мнѣ. *Ребачество; но отъ этой болѣзни не излѣчишься*“.

Въ 1821 году Жуковскому удалось урваться изъ Берлина, гдѣ онъ провелъ около восьми мѣсяцевъ: 27 мая великая княгиня ѣхала въ Эмсъ, Жуковского манила Швейцарія и Рейнъ. Послѣднія минуты онъ провелъ „съ горестнымъ удовольствіемъ прощанья. Въ Берлинѣ были минуты счастья“. Онъ простился съ королемъ, уговорился съ кронпринцемъ встрѣтиться въ театрѣ, и оба другъ друга проискали. „Прискорбная глупость“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ ¹⁾. „Передъ самымъ отъѣздомъ крестъ“ (Краснаго Орла) ²⁾.

„Описывая цѣлый вѣкъ природу въ стихахъ, хочу наконецъ узнать на яву, что такое высокія горы, быстрые водопады и разрушенныя замки, жилища моихъ любимыхъ привидѣній“, писалъ онъ своему пріятелю Полетикѣ. Онъ заранѣе наслаждается и увѣренъ, что его ожиданія не будутъ обмануты: красоты природы всегда выше описаній, надо только „подходить къ нимъ, сказавъ напередъ Создателю: Сердце чисто созиди мнѣ. Надобно быть съ природою младенцемъ“. Младенцемъ надо быть и ученому; самъ онъ не ученый, „посреди просвѣщенной Европы такой недостатокъ живо чувствителенъ, но добрая природа, которой прелести могу понимать, не оттолкнетъ меня“ ³⁾.

Жуковскій въ Дрезденѣ. Былъ прелестный іюньскій вечеръ, когда онъ сидѣлъ на берегу Эльбы на террасѣ Финдлерова сада. Тамъ было множество людей, довольныя лица, и все чужія; за каждымъ столомъ веселая семья, онъ былъ одинокъ. Природа не радовала, потому-что главная прелесть окружающаго есть наша душа, то чувство, которое она приноситъ въ ея святилище, а она ничего не приносила. „Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни. Все главное извѣстно; ничего таинственнаго, неизвѣстнаго не могло соединиться съ тѣмъ, что видѣли глаза“. Но „добрый геній-воспоминаніе“ прилетѣлъ на помощь, дрезденскій видъ преобразился, въ немъ почудилось что-то знакомое: точно бѣлевскій

1) Сл. дневникъ 2 іюня нов. ст. 1821 г. и примѣчаніе издателя.

2) Сл. также письмо Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, 1 іюня 1821 г. Русская Старина 1901 г., октябрь, стр. 221 и 4 іюня (нов. ст.) ib. 224—226.

3) Письмо 13/25 мая 1821 г., Русская Старина 1888 г., декабрь, стр. 711.

видъ съ пригорка его бывшаго дома, точно также вьется подъ горою Эльба, какъ тамъ Ока; картина возстановляется по мелочамъ, вспомнилась родина — „и много милыхъ тѣней встало“. (Отрывокъ изъ письма о Саксоніи, 1821 г., Дрезденъ и Прага 4 и 10 іюня) ¹⁾.

Это такая-же галлюцинація „сердечнаго воображенія“, какъ и въ знакомой намъ пьесѣ, навѣянной романсомъ Шатобриана ²⁾, и въ юношескомъ переводѣ изъ Ангеля, гдѣ нѣмецкое Thal обратилось въ родной пейзажъ, „обширную долину, усѣянную деревьями, рощами, зелеными холмами“ ³⁾.

Дрезденскій дневникъ не нашелся въ бумагахъ Жуковского: послѣдняя отмѣтка 2 іюня провожаетъ насъ въ нѣсколькихъ строкахъ отъ Берлина до Дрездена, послѣ чего мы прямо вступаемъ въ швейцарскій дневникъ (25 іюля). Недочетъ восполняется письмами къ великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ: Жуковский писалъ ей съ дороги, изъ Дрездена (4/16 іюня), Праги (10/22 іюня), рассказывалъ изъ Карлсбада, гдѣ встрѣтился съ Блудовымъ ⁴⁾, о впечатлѣніяхъ Саксонской

1) Печатный текстъ этого отрывка составленъ изъ письма Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Федоровнѣ Дрезденъ 4/16 іюня (черновикъ въ Пушкинскомъ сборникѣ, вып. I, М. 1902 г. стр. 66 слѣд., гдѣ письмо ошибочно адресовано вел. кн. Николаю Павловичу) и письма Жуковского къ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой. Изъ послѣдняго заимствованы и приведенныя въ нашемъ текстѣ строки. См. Русская Старина 1901 г., октябрь, стр. 224, прим. 1, и мою замѣтку: „Цвѣтъ Завѣта“ въ Литературномъ Вѣстникѣ 1903 г., т. V, кн. 3, стр. 298, прим. 2.

2) См. выше стр. 216—7.

3) Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. 1, примѣч., стр. 76, прим. 304.

4) Въ одномъ изъ альбомовъ Жуковского съ помѣтой на заглавномъ листѣ: 1820 г. 16/28 декабря, читается рядъ афоризмовъ, за которыми слѣдуетъ подпись: Карлсбадъ 27/8 іюня 1821 года. Они писаны рукой Блудова; можетъ быть, отрывки того журнала, о которыхъ онъ говорилъ въ письмѣ 18 іюня 1822 г. (см. выше стр. 296), или результатъ бесѣды съ Жуковскимъ, еще не остывшимъ отъ впечатлѣній придворной сутолоки. Въ томъ и другомъ отношеніи они интересны; вотъ нѣкоторые изъ нихъ:
„Есть люди съ слабыми нервами и слѣдственно не сильные отъ природы, но храбрые на войнѣ отъ философическаго пренебреженія смерти. Я часто думаю, что должно также быть смѣлымъ въ дѣлахъ и при дворѣ, единственно отъ презрѣнія къ людямъ и потому, что мы можемъ ожидать отъ нихъ.“

„Недовольные правительствомъ желаютъ переменъ, какъ мореходъ вѣтра во время тишины; но этотъ вѣтеръ можетъ быть бурей.“

„Придворные раболѣпствуютъ царю, а царь часто повинуется имъ.“

Швейцаріи (17/29 іюня) и въ двухъ пространныхъ письмахъ оттуда-же (23 іюня/5 іюля и 29 іюня/10 іюля) о своемъ знакомствѣ съ Фридрихомъ, Тикомъ и о прелести Сикстинской Мадонны ¹⁾).

Приведенные отрывки даютъ понятіе о путевомъ дневникѣ и путевыхъ письмахъ Жуковскаго. Дневники эти онъ велъ постоянно, хотя неравномѣрно; ранніе по времени свѣжѣе и болтливѣе; мы знаемъ, что они служили ему средствомъ самонаблюденія; таковыми были для Гёте его Tagebücher. Главное мѣсто отведено описаніямъ природы, питавшей его лиризмъ и склонность пофилософствовать съ собою; въ этомъ отношеніи швейцарскій пейзажъ былъ ему сподручнѣе, его итальянскія впечатлѣнія суше, восторженность сдержаннѣе. Затѣмъ наибольшій интересъ вызываютъ искусство и театр; порой, техника реальной жизни охватить невзначай его вниманіе, и онъ описываетъ съ подробностями какое-нибудь ремесленное производство. По дорогѣ онъ

„Многіе воображаютъ, что вредны для государства одни отъявленные царедворцы. Отъ этого зла не трудно бы избавиться: иные государи сами не любятъ имѣть ни камергеровъ, ни егермейстеровъ. Но настоящій, самый вредный дворъ составляется не изъ нихъ, а изъ приближенныхъ льстецовъ всякаго званія, или, лучше сказать, всѣхъ названій, и такого двора нельзя истребить даже уничтоженіемъ монархіи. Что же умѣритъ вредъ онсго? Только одно: умъ, добродѣтель правителей, ихъ вниманіе къ голосу истины и средства внимать ему.

„Les ministres qui parlent sans cesse de la volonté du Souverain, de la pensée du Souverain, ne sont-ils pas un peu comme les faux prophètes? . . . Oui! et les pamphlétaires qui parlent de l'opinion publique? . . .

„Dans les troubles politiques les honnêtes gens peuvent avoir différentes opinions, mais il n'auront jamais qu'un parti: celui de leurs serments.

„La liberté pour quelques nations est comme la vie pour certaines gens d'une constitution faible: elle se passe toute entière à lutter contre la mort, qu'enfin ont est obligé de subir.

„С. Д. говорить о революціяхъ и реформахъ нашего времени, что это лишь перемѣна безпорядка.

„Въ жизни мыслящихъ людей я вижу три періода: первый, или младенческій, есть просто вѣкъ незнанія, второй довѣрчивости, надеждъ и заблужденій; наконецъ третій есть вѣкъ сомнѣній. Они сопровождаютъ насъ до гроба: за нимъ начинается четвертый періодъ познанія и истины.

„Причины происшествій въ семъ мірѣ, какъ тайныя слова логогрифа; люди могутъ отгадать одно или хоть нѣсколько изъ означаемыхъ, но первое, изъ коего всѣ прочіе составлены, знаетъ одинъ Богъ“.

1) Сл. Русская Старина 1901 г, октябрь и ноябрь и мою указанную выше (стр. 315, прим. 1) замѣтку: „Цвѣтъ Завѣта“.

дѣлаетъ массу знакомствъ, но „люди“ вообще очерчены слабо, когда они не шли къ его симпатіямъ (Гуфеландъ, позднѣе Радовиць), или не поддавались его опоэтизированію; мы знаемъ, что и въ гении онъ прежде всего искалъ — добродушія (о Тикѣ). Гётевскія письма изъ Италіи, полныя живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній, послужили матеріаломъ для его *Italienische Reise*; нѣкоторыя части дневника Жуковскаго были имъ стилизованы въ видѣ писемъ къ великой княгинѣ, къ роднымъ въ Дерптъ, къ друзьямъ и, лишь побродивъ въ кружкѣ, подвергались печатной огласкѣ. Они интересовали какъ литературныя произведенія: въ 1821 г. 2 іюня (Карлсбадъ) Блудовъ упрекалъ Жуковскаго, что онъ уѣхалъ, не давъ ему „копіи своего письма объ Мадоннѣ, Саксонской Швейцаріи и пр. и проч. Исправь вину, пришли мнѣ хотя изъ Цюриха, но поскорѣе, свою интересную тетрадку *описаній*“¹⁾. Плетневъ читаетъ по салонамъ письмо Жуковскаго къ роднымъ о своей женитьбѣ²⁾, а императрица и вел. кн. Марья Николаевна сами отдають письма къ нимъ Жуковскаго Плетневу — для Современника.

Гёте вернулся изъ Италіи новымъ человѣкомъ; съ Жуковскимъ не произошло никакой метаморфозы, всего менѣе во вкусѣ кн. Вяземскаго, который продолжалъ корить его „павловскими фрейлинами“, упрекая его и Тургенева, что, взысканные милостью двора, они „или слишкомъ придворны или слишкомъ безпечны“ и ничего не дѣлають для своей родины, разнѣживъ душу свою на островѣ Калипсо³⁾. И недавній пріятель Перовскій присоединялъ свой голосъ: стыдить Жуковскаго, что тотъ не пишетъ ему, тогда какъ великой княгинѣ писалъ четыре раза и всякій разъ по тетради (письмо изъ Спа), а ему письма Жуковскаго необходимы, ибо, въ каждомъ изъ нихъ „ты мнѣ пересылаешь нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои фонари.... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ.... отвѣчай лишь на дружбу“⁴⁾. Въ 1825 году онъ

1) Русскій Архивъ 1902 г. № 6: Изъ писемъ къ В. А. Жуковскому. Письма графа Д. Н. Блудова, № III, стр. 337.

2) Письмо къ Я. К. Гроту 8 марта 1844 г. Сл. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, стр. 203.

3) Къ Жуковскому 9 января 1823 г. Русскій Арх. 1900 г. № 2, стр. 187.

4) Изъ Флоренціи 16 августа 1823 г.

извѣщалъ Жуковскаго о своемъ намѣреніи покинуть службу: „дворъ я никогда не считалъ для себя надежной пристанью, всегда былъ готовъ поднять якорь и распустить паруса, прежде чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море.... Два слова о тебѣ. Занятія твои меня пугаютъ: мнѣ кажется, что ты, какъ *Жуковский*, потерянь теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерянь, какъ *поэтъ*. Гдѣ ты найдешь время бесѣдовать съ нами?“ 1)

1) Вѣстникъ Европы 1901 г., апрѣль: Захарьинъ (Якунинъ) I. с. стр. 534, 537—8, 539—40.